

Лазоревые цветы России: антропо-сакральные концепты

В русских народных говорах и фольклоре широко бытовал этнографизм *лазоревые цветы*. В этнокультурной антропологии это явление не исследовалось. Изучить смыслы и значения феномена *лазоревый цветок* в обрядах и обрядовой поэтике, в этнокультурных приоритетах – задача статьи. Рассматриваются следующие контексты образа *лазоревый цветок*: *хроматический* – в свете народных говоров и среды обитания; *социо-природный* – в свете этноэкологических приоритетов; *архетипический* – в свете контекстов рождений, цветущей молодости, плодородия. Все перечисленные контексты образа *лазоревый цвет/цветок* являются частью большой темы по антропологии обрядового диалога человека с природой, особенно со стихией *зари*, с земледельческим бытием. Автор приходит к выводу: цветообраз *лазоревый цветок* – уникальное этноментальное и лингвокультурологическое (народных говоров) явление, независимое от цветообозначения *лазурный*, в традиционных представлениях русских метафизически и онтологически соотносилось с сущностными смыслами бытия.

Ключевые слова: лазоревый цветок, лазоревое Древо, этноментальный, мифопоэтика купальницы, пион-лазорик, заря/зоря, хроматическое моделирование, образ родины, этничность ландшафта, локальная идентичность, желто-золотой континуум, ало-лазоревый, Лазоревая Русь.

Феномен картины мира русских *лазоревые цветы* привлек моё внимание в связи с изучением другого «цветочного» феномена, а именно: троицкие цветы и образы *пучок зари* А.С. Пушкина и *плакат на цветы* С.А. Есенина в сакральном пространстве Троицына дня. Выяснилось, что, по традиции сельской провинции, предпочтение в выборе троицких цветов для поминальных традиций Троицына дня отдавалось полевым и лесным цветам. При этом многие из них, имея основной ботанический фитоним, назывались *лазоревыми* (Тульцева 2014: 23-41). Особенность понятия *лазоревый* – в его разноцветье, вопреки современному представлению о лазоревом цвете только как с разными оттенками синего-голубого-лазурного. Сделан вывод, что цветообраз *лазоревый* – сложный семантический сгусток этноментальных цветовых архетипов. Поэтому при характеристике *лазоревого цветка* используется понятие *цветообраз*, при обобщении – *цветосфера*.

Хроматический контекст лазоревого цветка (среда обитания)

В традиционном деревенском социуме русских, наряду с хлебопашеством и другими сферами деятельности, этнокультурной универсалией была и остаётся деятельность по сбору целебных трав. Срывание травы/цветка было ритуально значимым актом. Более того: **траву воспевали**, наблюдая весенний рост разнотравья!¹ Цветы напрасно не рвали. Ритуальное отношение к природе, к богатейшему разнотравью сохраняют современные знахари-травники. Их знания согласуются со стихиями и временем сбора для каждой травы/цветка, с правилами «подхода» к растению. Флороментальный ритуал повторяется из поколения в поколение, всегда в форме настоящего времени, ибо такой *ритуал* направлен к растению как *источнику жизни*. Осваивая среду обитания, человек одновременно творил своё сокровенное пространство (мироколицу²): от святых озёр, криниц, почитаемых камней до грозди рябиновых ягод. Теперь это этнически значимые образы. Этнически

значимыми были и остаются травы и цветы, их луговые сочетания, переливы красок, ароматы освоенной территории. Благодаря своей светоизлучающей субстанциональности цветы – особый *источник жизни*. Согласно народным верованиям, они хранят души-зародыши детей, а в срок от Троицы до Аграфены-купальницы бывают временными пристанищами для праведных душ усопших.

В охапке разнотравья наши предки выделяли цветы, которые характеризовали *лазоревыми* и одновременно называли их *заря/ зоря/ зорька*. Среди них *купальница*, которую непременно вплетали в весенний венок девушки евразийской России.

Купальницы/ купавки/ купалицы, они же *лазоревые цветы*, принадлежат семейству лютиковых (*Ranunculáseae* от лат. *rana* – «лягушка») и подразделяются на два вида: европейские с *желто-золотистыми цветами* (*Trollius europaéus*) и сибирские, или азиатские – *яркого оранжево-солнечного цвета* (*Trollius asiaticus, altaicus*).

Характеристику купальницы как *лазоревого цветка* русские Европейской России сохраняли в своей лексике, примерно, до 1970-х годов³, пока деревня не оказалась в эпицентре депопуляционных процессов. По наблюдениям этнографа Е.В. Поповой, в настоящее время у русских Удмуртии и частично у русских других регионов Поволжья название купальницы *лазоревым цветком* присуще лишь лексике старших групп населения⁴. *Лазоревый цвет, лазорник* – эти названия купальницы сберегли и коренные сибиряки – потомки русских поселенцев в Западной Сибири XVI-XVII вв. (СРНГ-16: 246; *Фурсова* 2003: 9).

Купальница/ лазоревый цветок – имела также наименование *зоря луговая* (Воронеж. губ. *Анненков* 1859: 125). Она всегда в составе троичной охапки цветов из медуницы, незабудок, жёлтых одуванчиков, кукушкиных слёзок, чабреца у современных русских Западной Сибири (*Фурсова* 2003: 9, 21-23, 26, 36). В начале 2000-х годов с пучками купальниц встречали праздник Троицы и русские Европейской России.

Массовое цветение *купальниц/ купавок* совпадает с троиче-купальскими праздниками, с окончанием весны по народным календарям, периодом летнего солнцестояния. Благодаря этому купальница у русских и некоторых соседних народов стала этноментальным знаком завершения *весны священной*. Цветок символизирует обновление света, живую воду, согретую новым солнцем, массовые обрядовые купания с пучком цветов от зари утренней на Аграфену-купальницу (23 июня ст. ст.) до зари Иванова дня (24 июня ст.ст.).

Купальница представляет *солнечно-золотую-желто-оранжевую гамму цветов*, характеризуемых как *лазоревые*, и цветов с народным фитонимом *заря/зоря*. Солнечную гамму цветка купальницы отразили синонимы *огоньки, огнёв цвет, жарки* (Сибирь), *жаркие цветы* (Тверская губ.), *сильный цвет* (Тамбовская губ.). Среди них выделяется антропоморфный контекст цветка в названиях *авдотки* (Московская, Смоленская, Черниговская губ.) (СРНГ 1: 197), *богомолки* (Новосибирская обл. *Фурсова* 2003: 9). Синоним *авдотки* отразил красоту и женственность цветущих купальниц, в образных ассоциациях напоминавших крестьянок в праздничных жёлто-золотых сложных головных уборах замужних женщин – сороках, кокошниках, кичках, вышитых золотыми нитками или золотным шитьем (*Шереметева* 1984: 27-30, 80-83; *Маслова* 1972: 32-49; *Соснина, Шангина* 2001:117-120; *Толкачева* 2007: 94-95; 107; 132-133 и др.). Синоним *богомолки*, вероятнее всего, отразил традицию обязательного наличия купальниц в троичном букете, с которым шли на моление.

Семантическая цепочка: *купальницы* → *авдотки* → *женщины в уборах жёлто-золотого цвета* → *они же с купальницами на Троицу* = свидетельство материнских смыслов этнической поэтики купальниц и жёлтого/ золотого цвета. Вывод подтверждает семантика жёлто-золотых кокошников, сорок, кичек. Отметим и латинское название купальницы – *rana*, т.е. *лягушка*. Это земноводное существо в антропогенетических преданиях русских и других народов тесно связано с представлениями о лягушке как бывшей женщине⁵, что подтверждает материнскую семантику мифопоэтики купальницы и гендерный (женский) архетип жёлто-золотого цвета.

Фитоним *купальница* совпадает с названием праздника *Аграфена-купальница*, свидетельствуя о ритуальных купаниях и роли цветка в праздничных обычаях. Так, в вологодских и архангельских селениях по реке Ваге за купальницами ходили ранним утром и собирали с росой, как лечебную траву; вениками из купальниц парились в банях, а *дети «из неё плетут венки, колпаки, шапки и надевают их на головы во время игр»* (Сахаров 1885: 81). Это значит, что для населения бассейна реки Ваги⁶ сакральными концептами праздника были культ росы и воды, *культ жёлто-золотой купальницы*. Можно полагать, что матери, прежде чем дети затевали игры, приобщали их (купали, умывали, давали пить) к силе росы и силе непочатой воды дня Аграфены-купальницы. В следовавших затем играх головки детей украшались венками, колпаками, шапками из жёлто-золотых купальниц⁷. Благодаря такому украшению дети, в контексте праздника, словно бы уподоблялись множеству цветущих золотых купальниц, представляя новое поколение *солнечных детей – детей купальниц, Солнца*, дня Аграфены-купальницы, ритуально-метафорически словно бы способствуя новым рождениям детей. Эти обычаи подтверждают архетипику материнской символики весенних цветов с жёлто-золотым окрасом. Праздник, завершая сакральное межсезонье, местами (Ивановская обл.) вплоть до середины XX века почитался в числе главных летних. Совпадая с летним солнцестоянием, он закрывает весну и открывает астрономическое лето в народных календарях.

Вместе с купальницей в словарях *лазоревой* называется бархотка (*Tagetes erectus* L.) (*Даль* II: 234-235; СРНГ 16: 245). Бархотка родом из Америки и в диком виде в России не растёт. Это значит, что ярко-оранжевая палитра цветущего растения стала основанием для некоторых садоводов XIX века называть бархотку *лазоревым цветком*.

В областных говорах *лазоревым цветком* назывались и другие растения, но уже с иной цветовой гаммой. В первую очередь, речь идёт о цветах, хроматические признаки которых близки представлениям о лазури, т.е. небесно-голубого цвета вплоть до синего лазурита. *Лазориком* называют *дикие ирисы* русские духоборы Грузии⁸. В фольклорных текстах *лазоревым* характеризуется цветок ржаных полей – *василёк*. У новгородцев на девичнике исполнялась песня с сюжетом расставания невесты с садом как образом *девьей красоты* и цветущего девичества, усиленных мотивом *лазоревого василёчка*: «*Завянут все светики во саду, / Завянут все алые в зеленом, / Аленький мой беленький свечочек, / Розовый, лазоревый василёчек!*» (*Жекулина, Розов* 1989: № 520). В цитированном тексте у василька разноцветные эпитеты: он – *аленький + беленький + розовый + лазоревый*. Учитывая обрядовую ситуацию исполнения песни (девичник как подготовительный этап к свадьбе), цвета *алый с белым и розовым* символизируют невесту, *белый* – символ света и ритуальной чистоты. *Лазоревый* – усиливает ритуальный смысл исполнявшейся песни⁹.

Народные знания причисляли к *лазоревым* и цветы с разным окрасом цветения на одном стебле, как правило, от розового к сине-голубому. Такие растения в Тростянском уезде Воронежской губ. и в Липецкой губ. называли *лазурчиками* (СРНГ 16: 245). В их числе растение *воловик* или *синяк, румянка лекарственная* (*Anchusa officinalis* L.), синоним которого – *лазорик* (Там же). Чашечка цветка этого растения в начале цветения розово-красновато-фиолетовая, затем – голубая или ярко синяя. Растение *воловик/ румянка* принадлежит к семейству «бурачниковых». К этому же семейству относятся *незабудка* и *медуница*. Медуница и незабудка в сочетании с купальницей – всегда в составе троического сбора у хранителей традиций женщин-сибирячек (*Фурсова* 2003: 9, 23, 24).

В народных говорах характеристику *лазоревые* имеют и некоторые цветы с ярко-розовым и красным окрасом. Архетип красного цвета, присущий русской этнической традиции, проявился в этноментальном выборе растений из семейства гвоздичноцветковых, прежде всего, разных видов *зорьки* – она же *лихнис*. Например, *лазуревым цветом* у олонечских жителей называлось растение *Silene flos-cuculi=Lychnis flos cucuki* L. (1898 г.) (СРНГ 16: 246). В говорах цветок широко известен как *зорька, горицвет, алоцвет кукушкин цвет, горицвет кукушкин цвет, лихнис кукушкин цвет, кукушкин цвет, кукушник*¹⁰. Названия отразили ассоциации с пламенем и период солнцеворота (*горицвет, алоцвет*),

основанием к чему стал цвет растения и совпадение цветения с разгаром и прекращением кукования кукушек. Не исключено, что совпадение массового розово-красного цветения в лугах *зорьки-горицвета-кукушкина цвета* с вешим кукованием птицы-предсказательницы судьбы, считалось благоприятным для обрядов весеннего девичьего цикла, при чём, обрядов более широкого круга, чем локальные девичьи обычаи *похорон кукушки*.

Другой вид *зорьки* – это *лихнис обыкновенный/ халцедонский* (*Lichnis chalcedonika* L.). Его синонимы – *лазорики, горицвет, зорька* (СРНГ 16: 245). Ало-карминно-красные, словно пламя, соцветья *лихниса обыкновенного* состоят из фрактально-крестоподобных цветков-звездочек, благодаря чему цветок имеет синоним *мальтийский крест, огненный цветок*. *Зорька обыкновенная/ халцедонская* некогда украшала цветники помещичьих усадеб. В народе иронично называлась *барская спесь*, – флороним изредка вспоминается до настоящего времени. Яркой красотой отличался ещё один цветок этого семейства, распространённый по лугам всей России и известный как *смолка, дрёма/ дрема/ дремки, зорька клейкая, сон-дрема, сонуля* (тверское), *смолка червоная* (Украина) (*Viscaria vulgaris*=*Silene viscaria*=*Lichnis viscaria*)¹¹.

Таким образом, из обширного круга гвоздичных характеристику *лазоревого* получили только цветы, семантика которых связывается со стихиями *зари, света, огня*. *Лихнис (lychnos)* – в переводе с греческого это «факел», «пламень», «светоч», «лампа». Цветы *лихниса*, имея крестоподобную форму, могли использоваться и как цветы-обереги.

В степных краях России – Оренбуржье, Подонье – *лазоревым цветком, лазориком* называют дикие тюльпаны. Радугу цветов весенних оренбургских степей определяют золотисто-жёлтые тюльпаны с удлинёнными лепестками («тюльпаны Биберштейна», или дубравные – *Tulipa biebersteiniana*). О разноцветье тюльпанов Оренбуржья говорили: «Весной цветы лазоревые кругом» (Соль-Илецк; СРНГ 16: 245). В этой характеристике, благодаря образу *лазоревого цветка*, прочитываются и собирательная картина цветения оренбургской степи, и индивидуальный диалог человека с цветущей природой. Аналогичная коммуникативная картина просматривается в донских говорах при характеристике дикого «тюльпана Шренка» (*Tulipa schrenkii*). В степях Подонья дикие тюльпаны, как правило, красного цвета, реже – жёлтые: «Лазоривый цветок висной ф-стипе цветет, красный, красивый. Фся степь ат-них красная» (цит. по: Бобровская 2004: 109). М.А. Шолохов в рассказе «Кривая стёжка» (1925) сравнивает красное пятно крови убитой девушки-невесты с «*расцветшим на рубахе лазоревым цветком*»¹². Эта строка рассказа с сакральным контекстом субстанций *кровь + лазоревый цветок* предполагает возрождение души героини. Но это и разговор человека с природой. Отметим шолоховскую фольклорную интуицию: концепт алого (цвет крови) в сочетании с лазоревым цветком, т.е. *ало-лазоревого*, является устойчивым хроматическим знаком русского фольклора в характеристиках молодого поколения.

Фольклорные тексты дают дополнительную хроматическую информацию о *лазоре-вом* для мака. Например, в Алтайском крае записан вариант известной хороводной песни-игры с зачином «*На горе-то мак*». В песне есть строки с оценкой мака как лазоревого: «...*Маки, маки, маковицы, / Золотые головки, / Барховы листочки, / Лазоревы цветочки...*» (Любимова 2004: 164). У песни-игры продуцирующая символика: хоровод разыгрывал «*житие мака*» с момента посева до сбора урожая.

Хроматический признак красного/ розового цвета, семантически соотнесённый с понятием *лазоревого*, подтверждают сведения (без указаний растений) из говоров Задонского уезда Воронежской губ. и Поимского р-на Пензенской обл. (см.: СРНГ 16: 245).

Таким образом, богатство (цветосфера) весеннего цветения луговых и полевых трав «сцеплено» хроматизмом *лазоревого*, который упорядочивает информационную совокупность о *мире цветов* конкретного пространства и отражает красоту и силу весеннего цветения. При этом для старшего поколения название *лазоревого цветка* имело значение самостоятельного ботанического фитонима. Сведения об этом скупы, т.к. вопрос специально не изучался. Достоверно можно говорить о диких тюльпанах Подонья (см. выше), а

также купальницах в восприятии старшего поколения сибирских переселенцев (наблюдения этнографа Е.Ф. Фурсовой).

Некоторые итоги. Цветосфера *лазорево́й* – это самоорганизовавшийся этноментальный феномен русских народных говоров, принадлежит народным знаниям об избранных цветах дикой природы, ассоциативно соотносимых с зарёй, светом, огнём, прозрением. Примечательно, что хроматический спектр цветочного разнотравья, проявленный в понятии *лазорево́й*, – это средоточие/ семантический сгусток **трёх основных цветов: красного, жёлтого, синего** с их оттенками. Русское народное восприятие этого триединства в форме собирательного образа *лазорево́й* позволяет охарактеризовать данное явление в качестве *гармоничной, целостной структуры* со своими этнокультурными и этноментальными функциями. Учитывая, что основу хроматической «троичности» цветообраза *лазорево́й* составила **триада** основных цветов спектра, представленных весенними цветами с символикой таких сущностных стихий, как *свет, заря, огонь*, вероятно гипотеза о глубинном соответствии цветообраза *лазорево́й* универсальному для культуры разных народов контексту сакральных тринитарных/ троичных представлений (основан на символическом числе три). Такие представления пронизывали всю обрядовую жизнь восточных славян. На их вершине – система знаний о Триединстве божества, на обыденном уровне – коллективный опыт, выраженный в присловье «*Без Троицы дом не строится*»¹³.

Семантическое «триединство» колористических пучков цветового спектра как отличительная особенность понятия *лазорево́й цвет* – свидетельство глубоких этноментальных смыслов образа русских говоров *лазорево́й*. Среди них архаичные представления о сакральности окружающего мира – земли, воды, леса, степи, трав, цветов как *источниках жизни*. Отметим и сакральность красоты природы¹⁴. Последнее выразилось в былом восприятии *радуги, цветов и весеннего цветения как воплощённой идеи/ идеала Рая на земле*. Этот факт отразился в назывании *радуги* как *райдуга*. В номенклатуре народных фитонимов есть также несколько растений с названием *рай-дерево* (в их числе – сирень; СРНГ-34: 85). В говорах концепт *рай* широко использовался для выражения чувства счастья, восторга, удачи, радости, полноты бытия. Семантика сакрального образа *небесного Рая* в русской языковой картине близка семантике понятия *лазорево́й* как образу счастья, красоты, весны, молодости, возрождения (см. ниже). Цветы вообще сравниваются «с остатками Рая на земле»¹⁵. Сакральный смысл образа *лазорево́е цветы* сохранил поэтический код духовных стихов староверов Нижегородского Поволжья. Он выражен в представлении о *цветении лазорево́х цветов над гробницей Мати Пресвятой Богородица* («Взойду ли я...» 2001: 200).

Словарные и современные наблюдения этнографов свидетельствуют о безусловном приоритете в народной речи слова *лазорево́й* по сравнению со словом *лазурной*. В этом факте – отражение древней традиции, что подтверждают наблюдения лингвистов: «В русском литературном языке возобладала форма *лазурь* при большей частотности формы *лазорь* в старорусских памятниках и диалектах» (ЭСРЯ 1999: 15).

Социо-природные экологические и современные мифологизированные контексты *лазорево́го цветка*

В лесостепной России вплоть до кавказских предгорий, локально, по балкам произрастают степные *пионы тонколистные* (*Paeonia tenuifolia* L.)¹⁶. Это реликтовое растение распускается с майским разнотравьем крупными огненно-красными и пурпурными цветами. Красоту их интенсивного цветения выразили народные флоронимы с контекстом *лазорево́й*: *лазорево́й цвет/цветок, лазорев цвет, лазорьки, красный лазорик, красный лазорник*. Их называют также *воронец, воронок* (Белгородская, Воронежская области)¹⁷.

Дикий пион красив всем кустом: разросшийся, с изумрудными тонкими листьями и яркими соцветьями он напоминает сказочно-процветший папоротник¹⁸. Поэтому зако-

номерно, что образ пурпурного *пиона-воронца-красного лазорика* стал для Вейделевского р-на Белгородской обл. официальным информационным символом, организующим социокультурное пространство района. Речь идёт о Гербе района, на серебряном фоне которого красуются три червлёных пиона¹⁹. Геральдический знак дикого пиона отразил ценность реликтового цветка. Для локальной идентичности значимо то, что дикий пион стал природным образом ландшафта района, символом малой родины.

Аналогичные ментальные контексты присущи и для других географических зон произрастания дикого пиона. Это, прежде всего, Радищевский р-н Ульяновской обл. За красоту *малиново-красных* лепестков его здесь называют *лазорьки*, *лазорева цвет*²⁰. По инициативе местных краеведов в районе с начала 2000-х годов устраивается экологический праздник, посвящённый сохранению пиона. Преобразование дикого ландшафта в окультуренное пространство праздника способствовало тому, что *пионы-лазорьки* стали этнокультурным знаком ежегодного межрегионального фестиваля с названием «Дикий пион», обращённого к многонациональному наследию региона. Благодаря фестивалю дикий пион-лазорик стал не только локальным знаком одного района, но географическим и экологическим брендом всей области. Речь идёт, прежде всего, о фольклорном празднике «Алый первоцвет», а также особой экологической программе, в основе которой туристические маршруты с темами: «По лазоревым холмам», «Легенды Лазоревого края», «Пионовая долина», «Былинная Лазоревая Русь»²¹. Все темы, по сути, – это топонимическое моделирование пространства дикого пиона в вариантах, объединённых единой информацией об экологии дикого пиона как *дивном* флоро-ментальном и экологическом символе района.

Таким образом, этноментальное восприятие *дикого пиона* как *лазоревого цветочного образа* стало метатекстом ландшафта района и области. В итоге в местной социо-природной топонимике появился топоним с эпическим контекстом *Лазоревая Русь*. «Мифологизация» природной среды говорит о стремлении удревнить новое понятие, придать ему расширительную (консолидирующую) семантику, но главное – информировать социо-природное пространство своей малой родины как родине Лазоревой Руси. Данная этнокультурная мифологема, подкреплённая топонимическими версиями (тема «Легенды Лазоревого края» и др.), – один из примеров *цветосмыслового моделирования образа малой родины и осознания этничности ландшафта*²². Это также пример конструирования и брендинга новых моделей *локальной идентичности* (см.: Малькова, Тишков 2010: 6-57; Чеснов 2014: 50-51, 412-439).

У русских географическое понятие *пространства* всегда ассоциируется с бескрайней глубиной (голубизной) горизонтов, когда «в пространствах таятся пространства» (А. Белый). *Ландшафтные просторы Родины* ёмко отразила лексика тверичей в понятии *на руси* со значением «на просторе», «пространстве света» (см.: Даль IV: 114). В Радищевском р-не *цветовое пространство света* моделируется новым топонимом с расширяющимися экологическими и этноментальными смыслами *Лазоревая Русь*²³.

Таким образом, новый топоним *Лазоревая Русь* выполняет собирательную/ этнообразующую задачу по отношению к локальной географической территории; он хроматически моделирует поэтизированное, этно-эстетическое пространство – *ландшафтное пространство Лазоревой Руси*. В этом плане, хроматический образ – как и ландшафтная модель Лазоревой Руси – «является не только особой формой организации окружающей действительности, но и способом создания новых реальностей» (Уляшев 2011: 338). Такой реальностью стала экологическая трансформация пространства *дикого пиона-лазорика*, осуществлённая благодаря конструированию и брендингу нового хроматического образа этничности, воспринятого современным регионом.

Синхронной реальностью для этнокультурного самосознания жителей Радищевского района стал колористический образ *аленького цветочка* известной сказки С.Т. Аксакова – «*цвета алого, красоты невиданной и неслыханной*», т.е. аксаковский *аленький цветок* – это и есть *дикий пион* симбирских лугов. Убеждение базируется на биографиче-

ских фактах: С.Т. Аксаков связан с Симбирским краем семейно-родовыми узами, был известным знатоком края, посвятил ему книги об охоте, рыбалке, природе.

Если *аленький цветочек* сказки С.Т. Аксакова в современном восприятии местного населения – это презентация симбирского дикого пиона, то белгородский нарратив в жанре этиологического предания объясняет «причину» появления *пиона-воронца-красного лазорика*. Современные варианты предания имеют следы неясного литературного происхождения. Действующие лица предания – классические образы мифологизированной подделки: это – кузнец, его дочь и влюблённый «бог» (?) Ярило. Сакральные антагонисты – кузнец и Ярило. История завершается тем, что, опасаясь гнева кузнеца, «бог» Ярило, убегая, порвал о плетень свой *огненно-красный плащ*, и кусочки плаща, упав на землю, процвели алым пионом. На прощанье Ярило обещал: пока цветут цветы, пожары обойдут стороной дом кузнеца и его дочери²⁴. Не исключено, что пересказанный сюжет – это ремейк народного поверья о том, что в доме следует хранить семена воронца «от пожара». Примету, в свою очередь, породил огненно-пурпурный образ цветка.

Выше был рассмотрен социо-природный концепт *пиона-лазорика* как геральдического знака; как поэтизированного эколого-эстетического образа и символа межрегионального фестиваля; как образа, послужившего для хроматического моделирования этничности ландшафта, а также в связи с нарративом в духе этиологического предания.

Ещё один аспект цветообраза *лазоревого* подсказала пьеса А.Н. Островского «Снегурочка». Речь идёт об экзистенциальном сопричастии человека природной среде, его владении обрядовыми практиками единения с миром природы и умении вести разговор с отдельными видами растений. Данный антропо-сакральный контекст отчётливо выражен в сцене последней встречи матери Весны и дочери Снегурочки. Согласно сюжету, снежная героиня драмы А.Н. Островского в преддверии праздника в честь Солнца обращается к матери Весне помочь ей познать земную любовь («*Любви прошу, любви девичьей!*»)²⁵. Встреча и действие передачи тайного знания, закодированного в *венке любви* («*Родник неистощимый / Любовных сил в венке моем цветочном*»), происходят *на утренней заре*.

Хронотоп *на заре*, особенно *на заре летнего солнцеворота*, является сакральной константой у многих народов. В русских традиционных знаниях высоко ценится космоэнергетическое состояние природы предрассветного и затем *алого света зари* как имеющее силу творения и возрождения, силу жизни и целения, плодородия и зачатия детей. *На утренней заре* праздников Аграфены-Купальницы и Ивана-Травника собираются самые целебные и «волшебные» травы. В пьесе А.Н. Островского в это рассветное время Снегурка получает от матери Весны *венок любви*, в который *вплетены и лазоревые цветы*. Цветы венка Весны неоднократно были в поле зрения литературоведов. Однако лишь К.И. Шарафадина отметила ритуально-посвятительную «иносказательность» в характеристиках цветов для *венка любви*, предложив подробный этноботанический и лингвокультурологический комментарий к цветам *венка* (Шарафадина 2012: 423-455).

Действительно, А.Н. Островский, владея народными знаниями о природной среде, каждому цветку определил только ему присущий посвятительный цикл, – в соответствии со знахарскими тайнами, прозрачно прочитываемыми в тексте пьесы. С учётом задач статьи предлагаем краткую версию посвятительных циклов, готовивших снежную героиню к статусу невесты.

В венке Весны символическое число разных цветков. Их *девять*. Из них *пять* – по известным мне источникам – принадлежат *кругу лазоревых*, т.е. особо значимы для конкретного этапа посвящения. Антропо-сакральное значение *деяти цветов* венка Весны определяется тем метафизическим фактом, что *девятка* в числовом символизме соответствует девяти жизнеобеспечивающим каналам связи живого организма с окружающим миром. У Островского *девять цветов венка Весны* символизируют *девять циклов перерождения* снежной героини, выводя её из состояния наивной детскости в жаждающее любви девичество («*...и вспыхнет кровь, и очи загорятся...*»). Перерождение сопровождается

передачей сокровенного знания: мать Весна, навораживая, одновременно передаёт дочери знания о каждой цветке венка, начав с ландыша.

Этноментальная семантика ландышей у русских: их белый цвет ассоциируется с девственно чистым светом. *Ландыш* – символ-намёк на сакральную чистоту героини, её принадлежность свету и ранней заре. Ландышевый цвет и аромат («*зорь весенних цвет душистый*») словно бы символизировали пробуждение рассвета и озарённое первым светом пространство *начала* перерождения, подготавливавшее Снегурку ко второму циклу. Поэтому, если в первом цикле перерождения ландыш всего лишь *томной негой озарит* белизну ланит героини, то во втором цикле, благодаря ало-красным цветам *барская спесь* (зорька/ лихнис), её уста уже подобны *алому бархату*.

Лазоревая незабудка третьего цикла посвящения преобразит физиогномику лица улыбкой: *даст улыбку цветик малый – незабудка-красота*. Улыбка преобразует нашу героиню красотой незабудковой поляны. Незабудка этого цикла может также символизировать заголубевшие рассветные небеса.

В итоге четвёртого посвящения снежная героиня *розою заалет*. На рассветном горизонте в это время разгорается алая заря.

Лазоревый цветок хлебных полей *василёк* на пятом этапе посвящения *засинеет и просвётится в глазах*. Благодаря матери Весне, василёк напоит глаза Снегурки васильково-лазоревой красотой. Его волшебная сила словно бы раскрывала/ прочищала глаза героини от морозного морока, наделяя их способностью *увидеть* и *полюбить* того, кого суждено.

Вслед за преображением физической красоты уст, глаз, щёк наступал черёд преображению чувств жаждущей любви снежной девушки. Эту задачу, по А.Н. Островскому, выполняла *кашка*. *Кашка* – она же медоносный *клевер* или *трилистник* – в знахарских тайнописях одно из мощных магических растений. *Кашка-клевер* – «подножное» весеннее лакомство крестьянских детей. Разверзает уста для медового сока, учит «сладкой» речи. Медоносный клевер-кашка, напоив Снегурку магической силой, поможет очаровать ум избранника медовыми речами, прежде ей не известными: «*Кашки мёд из уст прольётся чарованием ума*».

Открывшиеся для любви физическое тело и чувства снежной девушки мать Весна на седьмом и восьмом этапах посвящения окутывает сердечной «слепотой» – с помощью цветов лазоревых круга *дрёмы/ дремы* и *мака*. *Дрема* и *мак* – цветы с особым спектром лечебно-магических качеств. К тому же в мифологизированном быту русских крестьян цветок *дрёма/ дрема* был персонализирован и в этом качестве даже опасен: нельзя быть в плену у *Дрёмы/ Дремы* в поворотные моменты календарного года. Иначе прослывешь сонней и ленивицей²⁶. Однако случай со Снегуркой – особый. Чтобы наградить её даром/ чувством любви, мать Весна вплела в венок цветы с обволакивающим сознание воздействием: «*Незаметно проберётся в душу липкая Дрема; мак сердечко отуманит, мак сердечко усыпит*». Только после этого снежная девушка может отдать своё сердце любви и стать невестой. Поэтому девять степеней преображения венчает *хмель* – один из устойчивых образов свадебной поэтики.

Итак, в *венке любви*, по А.Н. Островскому, пять цветов из круга лазоревых. Из них незабудка, василёк и барская спесь (зорька/лихнис) активно пробуждают физическое тело Снегурки; дрёма и мак обволакивают сознание. Сама ворожба матери Весны с цветами венка разворачивается от небесно-голубых (незабудка, василёк) к розово-красным цветам, отражая ход посвячительных циклов от нежного девичества к пробудившейся для любви девушке-невесте. Заметим, в венке отсутствует купальница, что закономерно. Ибо солнечно-золотая купальница – это образ первого зачатия, детей и счастливого материнства, несовместимых со снежной девушкой.

Но снежная девушка ждёт любви. Поэтому в *венке Весны* вместе с цветами и заговорными речами вплетены любовь и обольщение, красота тела и души, магия тайного знания и магия оберега. Цветы *венка Весны–венка любви* – типичны для разных вариантов

венка, составлявшегося девушками по весям России. Например, из ландышей, кашки, незабудок, в соответствии с локальными этноментальными предпочтениями, плёлся троицкий веночек девушками села Казаки Елецкого р-на Липецкой обл.²⁷

Цветы *венка Весны/ Любви* пьесы А.Н. Островского, как и все весенние девичьи венки, сопричастны национальному видению мира в его цвето/ цветочном выражении, особенно, с обобщённым полихромным образом весенних цветов – *лазоревым цветом*. Это гимн целостности природы, её неотделимости от совокупности этно-эстетических и этноментальных норм, связей, любовных отношений внутри молодёжных групп, сакральных практик и знаний метафизического универсума национальной картины мира. Сам образ Весны словно бы воплотил на страницах пьесы собирательный облик реальных *много знающих* травниц, каждая из которых была сродни народному пониманию святой Параскевы-пятницы – такой, каковой её воплощали в своих деревянных скульптурах деревенские мастера, особенно же в выдающемся произведении Параскевы-пятницы из села Нырб Пермского края. Перед этим образом ещё в 1930-е годы в местном храме венчались браком прихожане. И это не случайно. На оплечье образа нанесены идеограммы с символикой счастья в зачатии и рождении, символикой первой брачной ночи перед долгой жизнью молодых, жизни как нивы и многим другим²⁸.

Архетипический концепт лазоревых цветов в свете хроматических контекстов рождений/ возрождений, цветущей молодости, плодородия

Выше установлено, что палитру цветообраза *лазоревого* составили три колористических пучка: желто-солнечно-золотисто-оранжевый; розово-ало-красный; гамма небесно-голубой лазури и синего цветов. Все оттенки перечисленных цветов человек видит одновременно, когда на небесах разгорается заря. Можно полагать, что только благодаря постоянному видению нашими предками-землепашцами многоцветья зари на фоне небесной лазури в обрядовом фольклоре в одном семантическом гнезде появились взаимно замещающие, но по цвету такие разные эпитеты, как *алый* и *голубой*. Например: *Какого цвету надобно тебе,/ Голубого или аленького?! Голубой-то цвет алеее завсегда...; У меня ли у младья/ Есть три ленты голубья:/ Первая лента алая...* Обратим внимание и на белорусско-украинскую цветолексему *голуба́* – о корове «красной с белыми пятнами»²⁹. Эти примеры, столь очевидные для наших предков, производят впечатление на современного читателя эффектом «несовместимости», хотя цвета *алый* и *голубой* в хроматическом круге являются совместимыми³⁰. Их объединяет также концепт *лазоровости*.

Показательно описание цветка *зорьки/лихниса халцедонского* профессионалами-цветоводами: «Ласковое название «зорька» **лихнис** получила не случайно. Цветки представителей этого рода окрашены *во все цвета утреннего неба*: от пурпурного, сливающегося с ночным ультрамарином раннего восхода, до огненно-рыжего, когда лучи солнца уже готовы прорваться сквозь линию горизонта»³¹. Напомним, что в переводе с греческого *lychnos* – это «свеча», «пламень», «светоч», «лампа». Символику света и огня имеют и русские синонимы цветка зорька/лихнис – *огонёк, огненный цветок*, т.е. семантика синонимов, как и народное название цветка *зорька*, соотносятся со *светозарной зарей* на восходе Солнца. Напомним и несравненное есенинское: «*Плещет алый мак заката...*» (Есенин 1961: 286).

Перед восходом солнца, *до света*, с едва соловеющей, голубеющей, затем алеющей полоской зари на востоке («*алая рассвета полоса*»³²) – в это пограничное состояние природы совершались многие семейные и общинные обряды³³, в том числе голóшенье невесты перед венчанием, которое называлось *зоря, зорька, отбивать зорю*. Разгораясь постепенно, от тьмы к свету, от ночи к утру, Заря-Заряница принимает восходящее Солнце, меняя небесные краски на золотисто-розовую, ярко-розовую и солнечно-золотую, как в хроматической гамме цветов лазоревого круга – *зорьки-купальницы*, цветов *зорька-кукушкин цвет-дрёма*, степных тюльпанов. Вскоре Заря полыхает солнечно-оранжевым, красным, пурпурным, малиновым всех оттенков – это краски *зорьки-лазорика-лихниса*,

маков, красных степных тюльпанов, дикого пиона-лазорика. На небесах в это время – *заря расписная*. Заря угасает в *золотисто-розовых-алоцветных* оттенках солнце-цвета.

Есть основание соотнести цветовую гамму небесной *зари* с цветовой гаммой весенних цветов круга *лазоревых*, имеющих к тому же постоянный синоним *заря/зоря/зорька*. В народных верованиях стихия *зари* сакральна. Ибо её светозарное пограничье между небом и землёй излучает первый видимый свет миру горнему и миру проявленному. Это – свет жизни и жизненной энергии, свет зрения и прозрения. Первый видимый, *движущийся* свет каждодневно наблюдал землепашец, в среде которого возник субстанциональный жизни цветобраз *лазоревый*. Этноментальная равнозначность цветовой гаммы цветобраза *лазоревый* цветовой гамме *зари* сближает их не только семантически, но и по признаку *витальности*. С зарёй, как и с лазоревым цветобразом, мифологизированное бытие русских связывало возрождение и жизнь. Не случайно образ Зари-Заряницы в фольклорной поэтике русских одухотворён, был одним из этнических идеалов и в зависимости от контекста персонифицировал красную девицу, матушку героя, сулил рождение детей. Святочный фольклор с этими образами бытовал в течение всего XX века (см.: Тульцева 2010: 152-154; она же 2011: 305-312). Поэтому народная этимология (своего рода этимологическая аллюзия, подкрепляемая синонимами *заря/зоря/зорька*) в понятии *лазоревый* сосредоточила внимание на смысловой матрице слова – морфемах «з^ор» и «з^орь»³⁴. Благодаря этому понятия *лазоревый*, *лазорьевый*, *лазорлевый*, *лазорик*, *лазорьки* воспринимаются сквозь призму мифо-ассоциативного мышления с колористическим образом *зари*. Не случайно поэт Николай Клюев, творчество которого насыщено этнографизмами, рифмует образы «*цветы лазоревые*» и «*красную зорюшку*»³⁵. Напомним, что в старорусских памятниках и народных говорах форма *лазорь* была наиболее употребительной, по сравнению с формой *лазурь* (ЭСРЯ 1999: 15). Этот факт предполагает большую древность словоупотребления формы *лазорь* по сравнению с формой *лазурь*.

В мифологизированной повседневности колористический концепт *зари* выражал идею весеннего цветения и молодости, возрождения, плодородия и рождения детей. Концепт нового цветения с обращением к образу *зари* запечатлела рязанская лексика: это фразеологизм *заря зарёй* в значении «сильно, обильно цвести» у жителей рязанской дер. Деулино (Деулино 1969: 191); в словах *зарявать*, т.е. рвать/ составлять пучок троицких цветов, и *заряница* – пучок троицких цветов в девичьей лексике села Борок Шиловского р-на³⁶. Эти же концепты *цветущей молодости*, возрождения, рождения детей наиболее проявлены в этнохроматическом локусе *аленько-лазоревый цветок* для характеристики нового поколения. В данном случае цветосветовой этнографизм *лазоревый*, как заповедное слово, словно бы источает силы жизни, усиливая характеристику *цветущей молодости*. Так, на чердынской свадьбе (Пермский край) для женатой пары исполнялось величание с сюжетом двух «древичков» (символ супругов) с золотыми прутьями, серебряными ветками и бархатными листьями (т.е. род «разветвился»). Величание завершалось строками: *Под древичком травонька шелковая, / На травке-то цветочки альенькие, / Альенькие да лазоревые* (Зырянов 1969: № 198). Концепт рода, процветающего молодыми силами, в чердынском величании выражен метафорами *травоньки шелковой с альенькими да лазоревыми цветочками*.

Образ *лазоревого* или *аленько-лазоревого цветка* в равной степени типичен для фольклорных характеристик и девушек, и парней (также см.: Еремина 1978: 74). Тексты с образом *ало-лазоревого цвета* выражают чувства доверия и дружбы, стремление к любовному соединению. Например, о девушке, томящейся по любви: «*Аленькая, альенькая веточка, / Что ты не цветёшь, не лазоревеешь...*». О рано просватанной девушке: «*Ах, свет мой, лазоревы, алы цветочки, / Чего рано расцвели в зелёном садочке...*». О девушке-невесте на выданьи: «*Примечайте-ка, милы подружки, / Тот цветок лазоревый, альенький / И принесите-ка тот альый цветочек...*»³⁷ *Цветочки лазоревые* – постоянный эпитет подруг в причитании на девичнике у просватанной невесты. В фольклоре он – символ девичества, ожидания счастливой доли. Например, в рязанской дер. Каменке Сасовского р-на

троицкое хороводное шествие девушек с берёзкой открывалось песней *«Весёл, весёл, весёлоцек / Мой лазорливый цветоцек...»*. По сюжету песни, девушка цветок сажала, *«другим часом поливала»*, а третьим часом *«сорывала»*, чтобы свить веночек и пойти в танок, где сидит ровня: *«Ровня взглянет, цвяток цветёт»* (цит. по: Гилярова 1994: 21-22).

Величания холостых парней отличает тема молодых томлений, любовных отношений. Например, вологодские величания: *У дружкá «щечки – аленько-лазорево́ый цвето́к.../ Один парень помилее всех./ Ах, ты, аленько-лазорево́ый цвето́к...»* (Иваницкий 1960: № 372); *«Ой, дак чистой-от аленькой лазоревой цвето́к/ Да чистой аленькой лазоревой цвето́к.../ Где-то родилась такая красота?...»* (свадебная величальная холостому парню) (Колтакова 1973: № 360).

Для южнорусского региона типичны величания, которые открывает образ черёмухи. И это не случайно. Черёмуха почиталась многими народами Северной Евразии (Прокопьева 1976: 115; Уляшев 2011: 184-185). У русских землепашцев хроматизм цветущей черёмухи гендерно соотносится с конкретным обрядовым контекстом. Белоснежное, обильное, светоизлучающее весеннее цветение черёмухи символизировало девичество. Не меньший сакральный смысл имели зрелые чёрные ягоды черёмухи – символ плодородящей (чернозёмной) силы матушки-земли. Поэтому для русских земледельческих регионов типичны весенние обрядовые тексты со строфой *«Цвети, цвети, черёмуха, как белая зоря,/ Созрей, созрей, черёмуха, как чёрная грязь»* (вар.: *чёрная земля*)³⁸. Строфа объединяет цветение с плодородием, соответственно с материнством. Типичны «черёмушковые» величания с лазоревым цветообразом, гендерно соотносимого с темой *пути жениха на вороном коне* и хроматизмом алого цвета. Например, величальная к прибытию свадебного поезда жениха (с. Берёзовка Семилукского р-на Воронежской обл.)³⁹:

Ой, черёма, черёма моя,

На черёмушке лазоревый кусток (вар: лазоревый цвето́к)

Далеко в поле алеется, цветёт (вар.: алеется, голубеется/ красотеется),

По всем полю расстилается, идёт,

А вот кто ж к нам на вороном коню

Подъезжая ко широкому двору...

В тексте, благодаря образу *лазоревого кустка/ цвето́к*, который *далеко в поле алеется, цветёт/ алеется, голубеется и по всему полю расстилается, идёт*, прочитывается ранняя дорога свадебного поезда, с выездом *до света*, когда голубеющий рассвет расцвечен лишь алой полоской зари и *первым движущимся светом*. При этом строфа на *черёмушке лазоревый кусток/ цвето́к*, вероятно, отразила образ улетевшей *девоей красоты*, – с ней невеста прощалась накануне, готовясь к венчанию. *Лазоревый кусток/ цвето́к*, что *далеко в поле алеется, красотеется*, – это и метафора ранней зари, которая разгорается счастливым предзнаменованием для свадебного поезда жениха на пути к дому невесты. Этот же текст или один из его вариантов мог исполняться уже в качестве *масленичного величания молодой пары* и одновременно как плясовое сопровождение.

Таким образом, этнографизм *ало-лазорево́ый/ лазоревый цвето́к/ цвето́к* характеризует *молодое цветение* новых поколений молодёжи. Примечательно и то, что именно на время самого обильного цветения купальниц, дремы и других цветов июньского разнотравья и летнего солнцестояния приходился пик девичьих и молодежных хороводных игр.

Отметим, не только изложенные, но в целом этно-фольклорные материалы дают дополнительные свидетельства о семантической автономности цветосферы *ало-лазорево́ый/ лазоревый* от понятия *лазурный*, которое в фольклоре отсутствует. Оно изредка встречается в говорах для характеристики некоторых цветов с сине-голубым окрасом.

Русский фольклор богат не только образом *лазоревого цвето́к*. Его дополняет космология *лазоревого Древа жизни* из сказки «Анастасья Прекрасная и Иван – русский богатырь». Сказка записана в конце 1850-х годов в селе Мишино Зарайского уезда (ныне Москов. обл.). По сюжету, Кощей Бессмертный раскрывает Анастасье Прекрасной тайну

своего бессмертья: оно в природных силах коня Кощея. Но главное – победить Кощея коня может только *молодой конь, рождённый под лазоревым Древом*:

«*Есть, говорит, такая кобылица, ходит за морем; за ней ходит двенадцать полков волков. И она только один час бывает жерёба. И стоит лазоревое древо за морем. Она под это дерево пробежит все равно, как ветер, сейчас ляжет, в одну минуту ожеребится*» (Худяков 2001: № 62).

Иван-богатырь добывает чудесного помощника-жеребёнка, рождённого под *лазоревым Древом*, и побеждает Кощея. Обратим внимание, что в сказке сообщается не порода Древа жизни, а его субстанция, т.е. *лазоревость*. В этом случае концепт *лазоревости* является сакральным признаком очередного рождения жеребёнка, а само *лазоревое Древо* с его продуцирующим потенциалом выступает в качестве «сакрального центра», *источника жизни*, генерирующего зародыши для рождений, плодородия, молодых сил жизни, хранящим сокровенное знание. В итоге **вывод**: концепт *лазоревости* Древа (и сопричастный *лазоревости* по факту рождения новый жеребёнок) выражает идею сущности бытия, метафизически и онтологически соотносимый с неиссякаемостью природных сил, их ви- тальностью, вечным рождением и возрождением.

Некоторые итоги: в статье были поставлены задачи изучить семантику (смысл) и символику (значение) цветообраза *лазоревый цвет/ цветок* в свете *хроматического, социо-природного* и *архетипического* контекстов.

Хроматический контекст. Новые выводы:

1. цветообраз *лазоревый* – это самоорганизовавшееся этноментальное явление, корни которого в русской онтологии природы, понимаемой как источник жизни;

2. цветочное богатство среды обитания, проявленное в понятии *лазоревый*, сосредоточило в себе **три основных цвета** спектра цветов: красный, желтый, синий с оттенками, что даёт основание к гипотезе о глубинном соответствии цветообраза *лазоревый* сакральным этноментальным смыслам, закодированным в хроматической картине бытия русских;

3. флоро-колористический образ *лазоревоего цветка* полихромен и объединяет разные растения в информационную базу данных *весеннего возрождения* и *цветения* дикой природы. «Собирательная» функция цветообраза *лазоревый* говорит о *гармоничности, целостности* этого явления. Фиксируется на разных срезах цветовосприятия. Так, концептосфера *ало-лазоревый*, соотносимая с красным спектром, является наиболее устойчивой в обрядовой поэтике, адресованной молодёжной субкультуре. Хроматизм *жёлто-золотой* соотносится с молодыми замужними женщинами, мудростью родов, материнством, является цветом знания. Антропологическая эстетика сине-голубого – это не только *лазоревые незабудка и василек*, но прежде широко бытовавшие, а ныне лишь иногда вспоминаемые в лексике русских лексемы – *лазоревые очи, лазоревый закат, лазоревое небо*; в народной среде вспоминают и популярную в 1980-е годы песенку о «*Марусе – лазоревые очи*» (наблюдения этнографа Е.В. Поповой).

Итоги изучения **социо-природного** контекста цветообраза *лазоревый цветок* на новых материалах подтвердили *функциональную «собирательность»* цветообраза. Реальный пример – реликтовое растение *пион-лазорик*: в Вейделевском районе он стал символом Герба района; в Радищевском районе – поэтизированным эколого-эстетическим знаком межрегионального фестиваля, а также хроматической моделью этничности ландшафта с мифологизированным топонимом Лазоревая Русь. В разных регионах России цветообраз *лазоревый цвет/ цветок* – один из привлекательных брендов для названий сборников народных песен (Сысоева 2009), фольклорных коллективов и фестивалей.

Архетипические контексты цветообраза *лазоревый цвет/ цветок/ Древо* проявлены, прежде всего, в самом цветосмысловом концепте *лазоревости* – будет ли это образ обрядовой поэтики или волшебной сказки. Во всех случаях цветообраз *лазоревый* демонстрирует жизненный потенциал, он символ источника жизни и молодых сил, проявленных в неиссякаемости новых рождений и плодородия. Уникальность концептосферы *лазоре-*

вост в идее сущности бытия, метафизически и онтологически соотносимой с неизбежностью жизни, природных сил, их вечным рождением и возрождением, сокровенным знанием.

У этнографизма *лазоревого цветка* обширная география – всё евразийское пространство Европейской России и Западной Сибири. Это свидетельствует о концепте лазоревого цвета/ цветка как экзистенциальном отражении полноты земледельческого бытия русских, выраженного в древнейших принципах культурогенеза, основу которых составляли *культ предков – культ хлеба – дети – материнство* – с принятием христианства *святые угодники Божии*. В итоге можно говорить о *русской онтологии образа лазоревого цвета/ цветка*, сущностного для мировидения русских, для выживания народа, его цветообразе как глубинном отражении этнических цветовых предпочтений, в которых *алый* и *жёлтый/ золотой* цвета были в числе заглавных.

В народном мировидении семантика *жёлто-золотисто-золотого* континуума, проявленная в культе купальниц, соотносится с гендерными материнскими этноментальными смыслами и нормами земледельческой культуры: это – Свет, Солнце, Золотая Хлебная Нива, Золотой Колос, первый хлеб к летним дням иконы Казанской Богородицы и Ильи-пророка, ометы хлеба, стерня (сжатое поле), отжиночные пироги, мудрость рождения новых детей. Гендерный жёлто-золотой континуум запечатлела волшебная сказка из села Плуталово Зарайского уезда – её главная героиня названа именем Марья-Желтый Цвет (Худяков 2001: № 87). Она сродни пушкинской Царевне-Лебеди и Царевне-Лягушке. Их собирательный образ – Василиса/ Анастасья Премудрая/ Прекрасная. Все они – вещицы жены натурфилософского мировидения русских в его мифотворческом выражении. Но главное – они являются образами Матери-Земли, многоликой, прекрасной, родящей. И все они – эти премудрые жёны, как и лазоревые цветы России, принадлежат генетической памяти народа, генетической памяти материнства. В то же время в женском народном самосознании его гендерные представления всегда венчал персонифицированный образ Троицы-Богородицы⁴⁰.

Что касается хроматизма *алого, ало-лазоревого цвета*, то его цветовая модель устойчиво соотносена с хроматическим образом девичье-юношеской возрастной субкультуры, т.е. молодыми силами народа, его жизненным потенциалом. Вывод подтверждают разные артефакты, но особенно праздничный и свадебный комплексы одежды девушек и юношей. У юношей вплоть до начала 1940-х годов рубахи красного цвета надевались по случаю праздников и свадеб. У девушек, например, по известным мне этнографическим материалам казачьих слобод рязано-тамбовского-верхнедонского пограничья в большие годовые праздники (Пасха, Троица, престолы) надевались холщовые рубахи с алыми рукавами, в комплексе с ними *запоны* (передники) алого цвета. Необыкновенной красотой отличался девичий наряд казачьих пригородов уездного города Сапожка – весь комплекс наряда был алого цвета. По наблюдениям московских этнографов, в с. Чернаве (верхнедонский этнографический ареал) в начале 1960-х годов невесте в первый день свадьбы надевали поверх *шушки* малиновую или красную рубашку, поверх неё – понёву и красный или малиновый *запон*⁴¹. Этнографические материалы подтверждают вывод об ало-лазоревого цвета как этнохроматической константе в характеристиках молодого поколения и молодости. В данном вопросе культуролог Н.В. Серов ставит и рассматривает перспективные проблемы о «человеке в цветовом окружении культуры, природы и общества», «цветовой модели периодизации взросления человека», «хроматической модели человека» (Серов 2004: 6).

Этнокультурная антропология для решения поставленных проблем даёт исследователю незаменимые источники и наработки, которые свидетельствуют о жестких цветовых регламентациях в соответствии с поло-возрастной стратификацией человека.

***

Антропология связей человека с пространством и временем аграрно-календарных и солнечных циклов – это антропология метафизического вечного движения и реальной

жизни этноментальных архетипов и образов в народной повседневности. Таким этноментальным одухотворённым явлением было оптимистическое разноцветье *лазоревых цветов*. Образу *лазоревых цветов*, синонимически и поэтически соотносимых со стихией *рассвета* и *солнечной зари*, отведена одна из центральных ролей в сакральной флористике русских – будь то реальный растительный мир или обрядовая поэтика. В национальном восприятии русских образ *лазоревых цветов* был образом Света и Счастья.

Концепт *лазоревых цветов* воплощал принцип существования человека на основах единения с природными началами: со-причастии Матери-Земле, матушке-водице, солнцу, заре алой утренней и вечерней, со-причастии цветам, собранным на заре Троицына утра. В этом духовный смысл понятия *лазоревый*. Корни его русской онтологии – в концепте природы как *источнике жизни*.

XXI век обогатил концептосферу *лазоревого цвета/ цветка* этносоциальными смыслами: геральдической символикой и исключительно важным для локальной идентичности этноментальным понятием *Лазоревая Русь*. Если говорить в целом об общерусской языковой картине мира, то бытование понятия *лазоревый* в современной речевой культуре близко к исчезновению. Но в ближайшей перспективе оно не исчезнет благодаря потребности людей в надёжных этнических символах.

---

¹ Например, по воспоминаниям, в Чухломском р-не Костромской обл. во все *вешние воскресенья*, т.е. от Красной Горки и до Троицы: «Не работали. За природой наблюдали. В домах была стряпня. У кого качели – вешали. Молодёжь гуляла». Каждое *вешнее воскресенье* исполнялась песня: *Травина ли, травина, /Травина моя шелковая,/ Травина моя луговая...* «Воспевали траву, её рост», – комментарий обычая рассказчицы из дер. Боловино З.Н. Исаковской, 1914 г.р. (АИЭА. № 8847. 1989 г. Тетр. 1. Л. 4-5). В говорах старшего поколения крестьян вплоть до конца XX века лексема **трава* означала «всё разнотравье» вместе с цветами. Были приняты обычаи *озимую рожь веселить* и *величать* (см.: ПКП: № 610), и даже в колхозное время, помня о былой традиции, женщины со своими детьми ходили *рожь смотреть*. Подразумеваемые «контакты» между человеком и природой – типичная черта русских заговоров и молений. Например, староверческое моление:

Вся природа Господня,
Все леса шумящие,
Все реки журчащие,
Все звери лесные,
Все рыбы морские,
Помолитесь Богу о рабе (имярек; *вар.*: о мне, грешной).
(«Взойду ли я...» 2001: 203)

² *Мироколица* – понятие используется в качестве синонима к понятию *картина мира*. В контексте моих работ это – конкретный *окоём* Русской земли, расширяющийся во все стороны горизонта и охватывающий *окрестные селения со всеми их землями, лесами, полями, водными источниками*. Слово *мироколица* почерпнуто из «Словаря» В.И. Даля (I: 28). Но мой смысл не сопоставим со значением *мироколица* как *атмосфера*, поскольку слово *мироколица* составляют два социально значимых понятия: *мир* и *околица*.

³ По данным «Удмуртско-русского словаря» (М., 1948. С. 112), русские Удмуртии называли *купальницу лазоревым цветом*. См. также: Удмуртско-русский словарь. М., 1983. С. 170.

---

⁴ По наблюдениям этнографа Е.В. Поповой (г. Ижевск), русские Удмуртии: «*Помнят про лазоревый цветок июньский. Говорили “лазоревы цветочки”*» (из письма Е.В. Поповой автору, 15 сент. 2014 г. Сведения ценны, т.к. этнограф Е.В. Попова является «носителем/хранителем» диалектной лексики русских Удмуртии).

⁵ О культуре лягушки у восточных славян подробнее см.: Баранов, Мадлевская 1999: 111-130 (здесь же библиография вопроса). Поверье, что лягушку нельзя убивать, т.к. она была женщиной, бытовало среди женщин старшего возраста до конца XX века. Одна из таких записей была сделана в дер. Рудниково Любимского р-на Ярославской обл. (АИЭА РАН. Ярославская обл. Д. 8846. 1988 г. Тетр. 2. Л. 20-21. Полевые тетради Л.А. Тульцевой).

⁶ Река Ва́га – левый приток Северной Двины. Длина 575 км, площадь бассейна – 44800 кв. км. Исток в виде заболоченного ручья в пределах Тотемского уезда, затем протекает в Вельском уезде Вологодской губ. и Шенкурском уезде Архангельской губ. Берега реки были «довольно значительно населены». См.: http://wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Вага_река

⁷ Плетение цветочной одежды и головных уборов в период, когда растительный мир «открывался» человеку для пользования, т.е. с Троицы и до Аграфены-купальницы/Иванова дня, было известным обрядовым развлечением детей и молодёжи, имевшим свой сакральный контекст. Например, в с. Быковка Елецкого р-на Липецкой обл., когда девушки *проводжали русалку* (на Русальское/Петровское заговенье), то, набрав цветов, плели венки и юбки из этих цветов. В венках и цветочных юбках они словно бы олицетворяли цветущие луга в пик весеннего цветения. (ВАИ. Архив кафедры этномузыкологии. № 789. 2000 г. Записано от А.С. Кривовой, 1919 г.р.)

⁸ Автор признателен этнографу С.А. Иниковой, сообщившей эти сведения по материалам экспедиции 2014 г. к русским духоборцам в Ниноцминдский р-н Грузии.

⁹ О том, что в фольклоре *лазоревый* не является цветообозначением, а символизирует интенсивность, яркость цвета впервые: Автамонов 1902. Точка зрения бесспорна. Однако смыслы и значения цветообраза *лазоревый* значительно глубже.

¹⁰ См.: <http://medgrasses/ru> > gorizvet_kukushkin.html

¹¹ См.: <http://sdelaysam.info> > medherbs/tarring.shtm

¹² О флорониме *лазоревый цветок* в произведениях писателей Дона и, прежде всего, М.А. Шолохова см.: Бобровская 2004: 107-109; Голубева 1970: 105-107.

¹³ Типичные примеры: *три сказочных царства* (медное, серебряное, золотое); *три брата* в борьбе за сказочную невесту; *три былинных богатыря*; герой *трижды* выполняет невыполнимое задание и др. В обрядах жизненного цикла: *троекратное* погружение в купель во время крещения; новобрачные *трёхкратно* обходят аналой при венчании; принято *трехкратное* ритуальное омовение усопшего. Не менее трёх раз произносятся лечебные заговоры, делаются обходы и т.д.

¹⁴ О сакральных смыслах лазоревых цветов см.: Иванов А.И. – Семиотический цикл – 4. Тайна среднего цвета (<http://omskmark.moy.su> > publ/essayclub/izbornik_rus/2012)

¹⁵ См.: Стрижёв А.Н. «Остатки Рая на земле» (Растения в русской церковной жизни) // К Свету. № 17. М.: АО «Родник», 1993. С. 169-176.

¹⁶ Речь идёт о *пионе узколистом* (тонколистом), но не *пионе уклоняющемся* (*марьином корне*).

¹⁷ Подробнее см.: <http://www.wikiznanie.ru> > ru-wz /index.php/Лазорьки;

<http://otvet.mail.ru> > question/65942689

¹⁸ Из-за необычной формы листвы, рассечённой на тонкие длинные доли, англичане дикий пион называют *папоротниковым*.

¹⁹ Герб утверждён в 1998 г. См.: <http://www.gerb.bel.ru> > pages/rayon/veydelevka.htm

²⁰ См.: <http://media73.ru> > 2014/48976-v-radishhevo...festival...piona

²¹ О фестивале и его современной программе:

<http://ulpressa.ru> > 2014/05/08/...2000...festivale...dikiy-pion/; <http://ulgrad.ru> > ?p=12093; см. также информацию электронного поиска по теме: фестиваль «Дикий пион».

²² См. также: *Березович Е.Л.* О специфике топонимической версии этнокультурной информации (<http://www.km.ru> > Рефераты).

О концепте цветового моделирования страны, города, улицы см.: *Грибер* 2013: 144.

²³ Образ *Лазоревая Русь* даёт повод вспомнить есенинский образ *Голубая Русь* в стихах поэта: *Я покинул родимый дом, / Голубую оставил Русь... / Я не скоро, не скоро вернусь!... / Стережёт голубую Русь / Старый клён на одной ноге...* (1924). В этих строках малая родина (*родимый дом*) поэта ассоциируется с *Голубой Русью*. Поэтическая цветопись С.А. Есенина *Голубая Русь*, вероятнее всего, запечатлела реальные заокские голубые/глубокие окоёмы с бескрайними заливными лугами, которые открываются с высокого, «нагорного» берега Оки, где расположено село Константиново (так было ещё в начале 1990-х гг.). Бесконечность окоёмов и пространств – типичная ландшафтная картина, наблюдаемая с берегов рек Евразийской Руси. Их русла совпадают с древними геологическими разломами. А пространство отличается космоэнергетической силой, полезной человеку. Не случайно *на всекрасоте* (типичный северорусский диалектизм) берегов рек было принято устраивать праздничные народные гулянья и качели для молодёжи.

Есенинский образ *Голубая Русь* академик О.Н. Трубачев привлекает для реконструкции цветового маркера в ориентации *востока* в системе древнерусских цветовых сторон свете, отложившихся в названиях *Белая Русь* (запад), *Черная Русь* (север) и *Красная Русь* (юг). В этой системе цветовых ориентаций отсутствует звено с движением на *восток*. Как пишет О.Н. Трубачев, именно это звено «оказалось забытым, если и существовало. Письменная история на сей счет хранит молчание, наша реконструкция бессильна, и, быть может, лишь русскому народному поэтическому гению Есенина дано было мгновенным прозрением, как вспышкой, выхватить этот момент истины: “Я покинул родимый дом/ Голубую оставил Русь... / Стережёт голубую Русь / Старый клен на одной ноге”» ...Именно так или примерно так (в духе соответствий “лазурный/голубой” = “восточный”) могла в отдаленные для нас времена зваться Русь приокская, Русь Восточная» (*Трубачев* 1997: 124. Жирный шрифт – *О.Н. Трубачева*).

²⁴ Подробнее см.: <http://www.proflowers.ru> > articles/rare_species/586.html

²⁵ В пьесе А.Н. Островского незримо присутствует образ *бога Ярилы-Солнца*. Однако в мифологии восточных славян такого бога не было. Об истоках этого образа в творчестве А.Н. Островского см.: *Топорков А.Л.* Из истории литературной мифологии XIX века («Белорусские народные предания» П. Древлянского) (<http://www.ruthenia.ru> > folklore/toporkov5.htm)

²⁶ Например, вплоть до конца XX века в рязанских селениях Устрань, Бессоновка, Кутуково Спасского р-на день в канун Петрова поста (Всесвятское/ Русальское заговенье) назывался *Дряменным днём* (от персонима *Дряма*; в слове, благодаря якающему рязанскому говору, произошла переогласовка звука *e* на *я*). В *Дряменный день* жители опасаются подброшенного в дом *дряменного пучка* из нескольких веточек берёзы или клёна вместе с любыми луговыми цветами.

Дрямный букет следовало бросить в проточную воду и, как можно быстрее, убежать от реки, чтобы *«не прицепилась Дряма»*. Ведь впереди была страда – сенокос, жатва и другие важные сельские работы. Подробнее см.: *Тульцева* 2001: 206-207.

²⁷ См.: ВАИ 2000. № 789. Записано от А.Г. Филатовой, 1928 г.р.

²⁸ Автор благодарен директору этнокультурного центра «Заряна» А.Н. Гаврилову (п.г.т. Шилово) за помощь в расшифровке идеограмм оплечья.

²⁹ Цит. по: *Кезина С.В.* Микросистема цвета с индоевропейским корнем *gēl: gōl // Известия Самарского науч. центра Российской Академии наук. 2008. № 2. С. 230; <http://theLib.ru> > books/aleksandr_timofeevich_hrolenko...v...

³⁰ Это наблюдение позволяет предполагать богатство цветовой палитры, воспринимавшейся зрением наших предков. О хроматическом круге см.: <https://ru.wikipedia.org> > Цветовой круг

³¹ Цит. по: <http://elektro-sadovnik.ru> > Lichnis-r.html со ссылкой на: *Чуб В.В., Малеева Ю.В.* Современный сад. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001 (жирный шрифт – *авторов книги*; курсив – *Л.Т.*).

³² Поэтическая строчка из стихотворного опуса принадлежит этнографу, члену-корр. РАН С.А. Арутюнову.

³³ Например, *до света*, или *до вóрона – пока ворон воронёнка не искупал*, в Чистый четверг были приняты массовые купания в водных источниках. На рассвете, в субботу и воскресенье Пасхальной недели исполнялись *вьюнишники* – общинный обряд поздравления молодых в первую весну их брака. *До света* начинались или продолжались важные домашние работы: затапливалась печь, пряли и ткали, «сбивали» сливочное масло и др.

³⁴ Данная точка зрения существенно уточняет предположение, сформулированное в статье: *Тульцева* 2014:36.

³⁵ Прочитаем начальные строфы стихов Н.А. Клюева:

Ах вы, цветики, цветики лазоревые,
Алоцветней вы красной зорюшки,
Скоротечней вы быстрой реченьки...
(1914 г.; цикл «Песни из Заонежья»)

³⁶ Архив этнокультурного центра «Заряна» Шиловского р-на Рязанской обл. Записано от Х.И. Белоглазовой, 1910 г.р., с. Борок (1980-е гг.).

³⁷ Цитаты из фольклорных текстов по:

<http://theLib.ru> > books/aleksandr_timofeevich_hrolenko...v...

Семантика прочтения цитат – *Л.А. Тульцевой*.

³⁸ Записи И.С. Слепцовой, 1995 г. и Е.А. Самоделовой. Рязанской обл.

³⁹ ВАИ 2000. Архив кафедры этномузыкологии. № 715/47. 2000 г. Записано от М.Д. Сараевой, 1911 г.р.

⁴⁰ Прочитаем фрагмент духовных стихов, записанных от знающих женщин Шиловского р-на:

Матушка свята Троица / По заутрене ходила,
Матушка свята Троица / Золоты ключи искала,
Матушка свята Троица / Золоты ключи нашла,
Матушка свята Троица / Открывала колодцы глубинные:
Во семи колодцах не вода течёт –
Во семи колодцах людские жизни рекой...

(Архив этнокультурного центра «Заряна»)

⁴¹ Материалы подобраны: АИЭА РАН. Фонд Комплексной экспедиции. Рязанская обл. 1960-1963 гг. Дело 2356, № 13, 151; дело 2360, № 19, 117; дело 4377. Собиратели Г.С. Маслова, Г. Виноградова, И.М. Семашко.

Источники и литература

АИЭА РАН – Архив Института этнологии и антропологии РАН .

Автамонов 1902 – Автамонов Я.А. Символика растений в великорусских песнях // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1902, декабрь

Анненков 1859 – Анненков Н.И. Ботанический словарь. М., 1859. 2-е изд. М., 1859.

Баранов, Мадлевская 1999 – Баранов Д.А., Мадлевская Е.Л. Образ лягушки в вышивке и мифопоэтических представлениях восточных славян // Женщина и вещественный мир культуры у народов Европы и России / Сборник МАЭ (Кунсткамера). Т. LVII. СПб., 1999. С. 111-130.

Бобровская 2004 – Бобровская Г.В. Лазоревый цветок // Русская речь, 2004. № 1. С. 107-109.

ВАИ 2000 – Воронежская гос. Академия искусств. Архив кафедры этномусыковедения.

«Взойду ли я...» 2001 – «Взойду ли я на гору высокую, увижу ли я бездну глубокую...»: Старообрядческий фольклор Нижегородской области / Сост. и коммент.: О.А. Савельева, Л.Н. Новикова. Новосибирск: СО РАН, 2001.

Гилярова 1994 – Гилярова Н.Н. Музыкальный фольклор Рязанской области. Рязань: РОНМЦ, 1994.

Голубева 1970 – Голубева Н.П. Какого цвета лазоревый цветок? // Русская речь, 1970. № 5. С. 105-107.

Грибер 2013 – Грибер Ю.А. «О космизации неведомых земель»: хроматическое моделирование Родины // X Конгресс этнографов и антропологов России. Москва, 2-5 июля 2013 г. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 144.

Даль I, II, IV – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I, II, IV. М.: «Русский язык», 1979.

Деулино 1969 – Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского р-на Рязанской области) / Под ред. И.А. Оссоветацкого. М.: «Наука», 1969.

Еремина 1978 – Еремина В.И. Поэтический строй русской народной лирики. Л.: «Наука», 1978.

Есенин 1961 – Есенин С.А. Собр. соч. в пяти томах. Т. 1. М.: Гос. изд-во художественной литературы. 1961.

Жекулина, Розов 1989 – Обрядовая поэзия / Предисловие, подготовка текстов В.И. Жекулина, А.Н. Розов. М.: «Современник», 1989.

Зырянов 1969 – Чердынская свадьба / Записал и составил И. Зырянов. Пермь, 1969.

Иваницкий 1960 – Иваницкий Н.А. Песни, сказки, пословицы и загадки Вологодской губернии. Вологда, 1960.

Колпакова 1973 – Колпакова Н.П. Лирика русской свадьбы. Л.: «Наука», 1973.

Любимова 2004 – Любимова Г.В. Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири. XIX–начало XX века. Новосибирск: СО РАН. 2004 [Liubimova G.V. Vozrastnoy simbolizm v culture kalendarnogo prazdnika russkogo naseleniya Sibiri. XIX–nachalo XX veka (Age symbolism in the calendar holidays of the Russian population of Siberia in the XIX and early XX centuries). Novosibirsk, 2004].

Малькова, Тишков 2010 – Малькова В.К., Тишков В.А. Антропология историко-культурных брендов территорий, регионов, мест // Культура и пространство. Книга вторая. Историко-культурные бренды территорий, регионов, мест. М.: ИЭА РАН, 2010. С. 6-57 [Malkova V.K., Tishkov V.A. Anthropologiya istoriko-kulturnykh brendov territoriy, regionov, mest // Kultura i prostranstvo/ Kniga vtoraya. Istoriko-kulturnyi brendy territoriy, regionov, mest. M., 2010. Pp. 6-57].

Маслова 1972 – Маслова Г.С. Северодвинская золотошвейная вышивка // Из культурного наследия народов России. Сборник МАЭ (Кунсткамера) РАН. Т. XXVIII. Л.: «Наука», 1972. С. 32-61.

ПКП – Поэзия крестьянских праздников / Вступит. статья, подготовка текста И.И. Земцовского. Л.: Советский писатель, 1970.

Прокопьева 1976 – Прокопьева Е.Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л.: «Наука», 1976. С. 106-128.

Сахаров 1885 – Сахаров И.П. Сказания русского народа. СПб., 1885.

Серов 2004 – Серов Н.В. Цвет культуры. СПб.: «Речь», 2004.

Соснина, Шангина 2001 – Соснина Н., Шангина И. Русский традиционный костюм. Иллюстрированная энциклопедия. СПб.: «Искусство–СПБ», 2001.

СРНГ 1, 16, 34 – Словарь русских народных говоров / Ред. Ф.П. Филин. Вып. 1. М.-Л.: «Наука», 1965; Вып. 16. Л.; «Наука», 1980; Вып. 34. СПб.: «Наука», 2000.

Сысоева 2009 – Сысоева Г.Я. Цветочек мой лазоревый: Народные песни Воронежской области. Воронеж, 2009.

Толкачева 2007 – Толкачева С.П. Народный костюм Воронежской губернии конца XIX–начала XX века. Воронеж, 2007.

Трубачев 1997 – Трубачев О.Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М.: «Наука», 1997

Тульцева 1999 – Тульцева Л.А. «Умилно на пучок зари...» К реконструкции одного из пушкинских образов *милой старины* // ЭО, 1999. № 3. С. 3-15.

Тульцева 2001 – Тульцева Л.А. Рязанский месяцеслов. Рязань, 2001.

Тульцева 2010 – Тульцева Л.А. Концепты Света и новые поколения детей в календарной обрядности русских: Рождество – Новый год // ЭО, 2010. № 4. С. 141-157. [Tultseva L.A. Kontsepty Sveta i novye pokoleniya detey v kalendarnoy obryadnosti russkikh: Rozhdestvo – Novyi god // Ethnograficheskoe obozrenie, 2010. No 4. Pp. 141-157].

Тульцева 2011 – Тульцева Л.А. «У Бога Света всего доспето»: сакрально-световое пространство русских святок и новые поколения рода-племени // Церковные праздники русского народа: от прошлого к будущему. М.: ИЭА РАН. 2011. С. 259-344.

Тульцева 2014 – Тульцева Л.А. Антропология сакральной флористики Троицына дня // Вестник антропологии, 2014. № 1 (27). С. 23-41 [Tultseva L.A. Antropologiya sakral-

---

noy floristiki Troitsina dnya (Anthropology of sacral floristics of the Trinity Day) // Vestnik antropologii, 2014. No 1 (27). Pp. 23-41].

Уляшев 2011 – Уляшев О.И. Хроматизм в фольклоре и мифологических представлениях пермских и обско-угорских народов. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. [*Ulyashev O.I. Chromatizm v folklore i mifologicheskikh predstavleniyakh permskikh i obsko-ugorskikh narodov (Chromatics in the folklore and the mythological ideas of the permian and ob-ugria peoples). Ekaterinburg, 2011*].

Худяков 2001 – Худяков И.А. Великорусские сказки. Великорусские загадки / Вступит. статья, примечания, указатели Е.А. Костюхина. СПб.: «Тропа Троянова», 2001.

Фурсова 2003 – Фурсова Л.Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия. Ч. 2. Обычаи и обряды летне-осеннего периода. Новосибирск: СО РАН, 2003. [*Foursova L.F. Kalendarnye obyчай i obryady vostochnoslavyanskikh narodov Novosibirskoy oblasti kak rezultat mezhetnicheskogo vsaimodeystviya (Calendar rites and rituals of fast Slavic peoples of Novosibirsk region as a result of interactions). Novosibirsk, 2003*].

Чеснов 2014 – Чеснов Я.В. Народная культура: Философско-антропологический подход. М., 2014 [*Chesnov Ya. V. Narodnaya kultura: Filosofsko-antropologicheskii podkhod. M., 2014*].

Шарафадина 2012 – Шарафадина К.И. Литература в синтезе искусств. Т. II. Floro=Поэто=Logia. СПб., 2012 [*Sharafadina K.I. Literatura v sinteze iskusstv. T. II. Floro=Poeto=Logia. SPb., 2012*].

Шереметева 1984 – Шереметева М.Е. Все венки да поверх воды. Народное искусство Калужского края. Тула: Приокское книж. изд-во, 1984.

ЭО – ж-л «Этнографическое обозрение» [*Ethnograficheskoe obozrenie*].

ЭСРЯ 1999 – Этимологический словарь русского языка / Ред. А.Ф. Журавлев, Н.М. Шанский. Вып. 9. М.: Изд-во МГУ, 1999 [*A.F. Zhuravlev, N.M. Shansky. Ethimologicheskiiy slovar russkogo yazyka (A.F. Zhuravlev, N.M. Shansky (ed.). V. 9. M., 1999*].